ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

РАЗСКАЗЪ

ОБРАТИВШАГОСЯ КЪ ЦЕРКВИ РАСКОЛЬНИКА.

Въ бытность мою въ Гуслицѣ познакомился я съ однимъ фабричнымъ, мужичкомъ весьма умнымъ и словоохотливымъ, который пользовался въ быту крестьянскомъ славою бывалаго человѣка, въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ странствовавшаго по Россіи съ цѣлію отыскать настоящую, истинную, древлеправославную вѣру. Много разсказывалъ онъ мнѣ замѣчательнаго о своихъ похожденіяхъ для отысканія истинной вѣры, но въ особенности одинъ изъ разсказовъ его показался мнѣ интереснымъ и заслуживающимъ вниманія, и потому передаю его здѣсь безъ всякаго прибавленія.

Родился я, говорилъ мой знакомецъ, въ Московской губерніи въ Волоколамскомъ уѣздѣ отъ родителей православныхъ и при св. крещеніи въ приходской церкви нашей нареченъ Лаврентіемъ, по фамиліи я Рощинъ. Отецъ держалъ меня дома лѣтъ до десяти; поучилъ немного грамотѣ у отставнаго солдата, нашего односельца, а потомъ отвезъ въ Москву и отдалъ въ ученье на фабрику въ Преображенскомъ къ закоренѣлому раскольнику. На фабрикѣ у него насъ мальчишекъ и взрослыхъ было многое жножество; были тутъ большею частію безпоповцы и рогожскаго согласія, насъ же православныхъ

немного, да и тѣ, подросши, непремѣнно совращались либо въ тотъ, либо въ другой толкъ, смотря по главному прикащику, который управлялъ отдѣленіемъ. Я попался къ поповщинцу, и на девятнадцатомъ году покинулъ мать свою, Церковь православную, и переправился на Рогожскомъ кладбищѣ въ старообрядцы. Тутъ рѣкой полились ко мнѣ блага земныя, по милости совратившаго меня въ расколъ прикащика; и жизнь моя потекла, какъ по маслу. Нѣсколько лѣтъ родные и односельцы не подозрѣвали объ моемъ отступничествѣ, но наконецъ грѣхъ мой обнаружился, потому что я сталъ, бывая дома, уговаривать многихъ покинуть Никоновскую ересь и обратиться къ древнему благочестію. Раскольничество мое не укрылось и отъ нашего приходскаго священника. Послѣ долгихъ уговоровъ обратиться въ православіе бывшій отецъ мой духовный, видя закоснѣлость мою, донесъ обо мнѣ начальству и я былъ представленъ въ консисторію, откуда препроводили меня въ Сергіеву Лавру на увѣщаніе, но и здѣсь всѣ старанія почтеннаго и добраго протоіерея, отца Ѳеодора Александровича Голубинскаго, убѣждавшаго меня недѣли двѣ, оставались напрасными. По его совѣту дали мнѣ изъ Лавры билетъ на двѣ недѣли для прохода въ Ростовъ, дабы я могъ лично убѣдиться, что святыя мощи обличителя раскола Димитрія Ростовскаго почиваютъ нетлѣнными на вскрытіи. Вмѣсто раскольничьей поддевки надѣли на меня послушничій подрясникъ и круглую шапочку, и я, вооружившись посохомъ, отправился въ путь. Обошедши дня въ три всѣ обители въ Переяславлѣ, я направился далѣе къ Ростову. Пройдя верстъ пять, или шесть въ самую жаркую пору дня, я поутомился немного, присѣлъ на берегу рѣчки у мостика и, вынувъ изъ котом-

ки ломоть ситнаго хлѣба и кусокъ варенаго сухаго судака, сталъ закусывать и, глядя на воду, любовался какъ рыба въ рѣчкѣ сновала взадъ и впередъ, а ея тутъ было множество, но все мелкая. Побрасывая кусочки хлѣба въ воду, которые рыбка тутъ же подхватывала, я такъ углубился въ свою забаву, что не обращалъ никакого вниманія на идущихъ и ѣдущихъ по большой дорогѣ, какъ вдругъ слова: „миръ въ дорогѣ, святый отче,“ раздавшіяся надо мною, заставили меня приподнять голову. На мостикѣ, облокотившись на перила, стоялъ мужичекъ лѣтъ пятидесяти благообразнаго постнаго вида, въ панковой поддевкѣ сшитой на раскольничій манеръ съ стоячимъ воротникомъ.

— Еще не отецъ и не святой, отвѣчалъ я на привѣтъ мужичка, снявъ шапочку и кланяясь ему.

„Такъ изъ какихъ же ты, землячекъ? Видишь, одежа-то у тебя послушническая и шапочка тоже, а макушка у тебя стриженая какъ и у меня, по старому закону,“ продолжалъ допрашивать меня прохожій ласково и съ улыбкою: „или, можетъ быть, ты недавно совратился съ истиннаго пути и промѣнялъ спасеніе на пагубу?“

— Хоть ты, какъ видится, человѣкъ и умный и дальновидный, а во мнѣ ошибся, не угадалъ: я, любезный, отъ древняго благочестія не отставалъ и пустился странствовать, чтобъ еще тверже укрѣпиться въ немъ и отыскать самый истинный путь ко спасенію, говорилъ я вставая и привязывая котомку свою: коли хочешь, такъ пойдемъ вмѣстѣ, если тебѣ по пути: я къ Ростову иду.

„Истинно говорю, что возлюбилъ тебя Господь, чадо мое, ибо сподобилъ тебя встрѣтиться со мною, говорилъ прохожій: если точно душа твоя ищетъ спасенія и ты твердо держишься древняго благочестія, то никто

лучше не укажетъ тебѣ пути праваго. Вонъ подъѣзжаетъ моя подвода; присядь со мной, я подвезу тебя до Ростова, а между тѣмъ дорогой потолкуемъ.

Обрадовавшись попутчику, да еще своему брату—старовѣру, я съ благодарностію согласился продолжать съ нимъ путь. Мы сѣли въ просторную телегу съ кибиткой, въ которой помѣщалась толстая женщина лѣтъ сорока, окруженная подушками. То была, какъ я узналъ въ послѣдствіи, богатая вдова, московская купчиха, ѣхавшая искать спасенія души своей въ скиты поморскіе. Огромная телега была нагружена порядочно, такъ что пара здоровыхъ коней не безъ труда тащила ее по каменной дорогѣ.

Разговаривая съ новымъ знакомцемъ, я узналъ, что онъ безпоповецъ Никита Семеновичъ, о которомъ не разъ слыхивалъ я въ Москвѣ, какъ о самомъ начитанномъ и лучшемъ учителѣ безпоповскаго толка, пользовавшемся славою не только въ поморьѣ, гдѣ былъ онъ начальникомъ нѣсколькихъ скитовъ, но и по всей Россіи между своими послѣдователями.—Глухой, какъ аспидъ, при увѣщаніи и убѣжденіи истинныхъ пастырей Церкви Христовой, я распустилъ уши, съ жадностію внимая льстивымъ словесамъ Никиты Семеновича, несмотря на то, что онъ былъ не нашего согласія. Впрочемъ, надо тебѣ сказать, что наша братья раскольники всѣ вообще до того запутаны сѣтями діавола, что готовы послушаться какого хочешь изувѣра — начетчика, будь онъ поповецъ, безпоповецъ, молоканъ, или даже еще хуже, лишь бы только онъ больше поносилъ Церковь православную. Такъ случилось и со мной: убѣжденный Никитой Семеновымъ, я попалъ изъ огня да въ полымя, и при разставаньи съ нимъ въ Ростовѣ, убѣдительно про-

силъ его принять меня въ ученики свои, обѣщаясь, покончивъ дѣла въ Москвѣ, пріѣхать къ нему въ поморье и поселиться тамъ навсегда.

„Вижу, чадо мое, Лаврентій,“ отвѣчалъ Никита Семеновъ на мою просьбу: „вижу и уповаю, что сѣмя, брошенное мною упало на землю добрую и обильно принесетъ плодъ свой. Съ любовію готовъ принять тебя въ стадо словесныхъ овецъ моихъ. Мѣсяца черезъ два, а много черезъ три, я пошлю кое за чѣмъ въ Москву благопріятеля моего изъ нашей стороны, такъ ты дай мнѣ теперь записочку, гдѣ тамъ отыскать тебя; ты съ нимъ до насъ и доѣдешь.“

Давъ записку, облобызалъ я новаго наставника моего и, ожесточенный болѣе прежняго, не заходя въ Яковлевскій монастырь, пустился въ обратный путь въ Лавру, откуда вскорѣ отпустили меня на всѣ четыре стороны. Покончивъ въ Москвѣ дѣла свои и сколотивъ деньженокъ, сталъ я съ нетерпѣніемъ ожидать посланца отъ благодѣтеля моего Никиты Семеновича; своимъ же Рогожскимъ я ни дѣломъ, ни словомъ не далъ замѣтить, что оставилъ поповщину и прилѣпился къ безпоповцамъ. Наконецъ, черезъ два съ половиной мѣсяца послѣ путешествія въ Ростовъ, прибылъ въ Москву давно ожидаемый благопріятель старца Никиты; а черезъ недѣлю ѣхалъ я уже съ нимъ по дорогѣ Вологодской.

Въ пути были мы двѣ недѣли, и наконецъ благополучно доѣхали до Поморья и остановились у извощика нашего въ Каргопольскомъ уѣздѣ въ деревнѣ Бахрушевой, отъ которой неподалеку въ дремучемъ лѣсу находились и скиты Никиты Семенова. Я оставался нѣсколько дней у извощика Іоны Яковлевича, пока старецъ мой не явился за мною. Облобызавъ какъ роднаго,

Никита повелъ меня въ лѣсъ и помѣстилъ въ скиту, гдѣ самъ жилъ съ нѣсколькими старцами и учениками. Сначала, какъ гостя новые сожители мои водили меня по прочимъ скитамъ и знакомили съ образомъ жизни своей, не принуждая ни къ работѣ, ни къ долгимъ молитвеннымъ стояніямъ. Скиты эти какъ мужскіе, такъ и женскіе построены почти всѣ на одинъ ладъ въ самыхъ глухихъ, непроходимыхъ мѣстахъ дремучаго лѣса, среди болотъ и топей, такъ что человѣку незнакомому съ тропинками ведущими къ скитамъ никакимъ образомъ невозможно добраться до нихъ. Почти около каждаго скита вырыты пещерки, или подземныя келліи, довольно обширныя, въ которыхъ помѣщается большая часть скитской братіи; всѣ пещерки эти имѣютъ сообщенія со скитомъ, но входы въ нихъ такъ искусно скрыты, что постороннему ни за что не открыть ихъ. Всѣ скитскіе запасы и все драгоцѣнное сохраняется въ этихъ пещерахъ. Касательно содержанія скитники живутъ хорошо: ѣдятъ сытно и пьютъ сладко по милости благодѣтелей, богатыхъ безпоповцевъ, которые отвсюду шлютъ сюда и деньги и все потребое. Главное занятіе здѣсь: неусыпное чтеніе псалтыри и частыя собранія на молитву въ общую моленную; грамотные читаютъ и поютъ во время стояній, а безграмотные въ свободное отъ молитвы время плетутъ кошницы изъ корней или заготовляютъ дрова по лѣсу, лѣтомъ же собираютъ грибы и ягоду морошку, которые солятъ и мочатъ въ кадушкахъ и отправляютъ даже въ Петербургъ въ большомъ количествѣ. Кадушки эти здѣсь же дѣлаются. Особеннымъ почетомъ и уваженіемъ пользуются между скитниками переписчики книгъ *по уставу;* есть такіе искусники, что пишутъ лучше печатнаго, словно

бисеромъ нижутъ, въ особенности дѣвки на это большія мастерицы. Переписанныя книги начальники развозятъ въ Питеръ, въ Москву и по всей Россіи, и берутъ за нихъ немалыя деньги, особенно за „Поморскіе отвѣты“ Андрея Денисова и за „Соловецкую челобитную,“ которыя безпоповцами почитаются чуть ли не больше самаго Евангелія.

Проживши въ скитахъ съ мѣсяцъ, я сталъ сильно сомнѣваться въ благочестіи ихъ жителей, потому что пьянство, драки и безпрестанное навѣщаніе женскихъ скитовъ нашими отшельниками не могли укрыться отъ глазъ моихъ. Конечно, по общему нашему раскольничьему ученію: *согрѣшивши—покаешься, а покаявшись спасешься,* должно снисходительно смотрѣть на слабости ближняго, но ужъ здѣсь пьянство и развратъ слишкомъ въ глаза бросаются. Гдѣ же тутъ быть истинному благочестію и можно ли въ такомъ содомѣ душу спасти не имѣя священника, кому бы исповѣдываться, ни причастія? Обуреваемый сомнѣніемъ, я ужъ сталъ помышлять какъ бы убраться отсюда. Наставникъ мой должно быть замѣтилъ мое колебаніе, и потому сталъ предлагать мнѣ покреститься по ихъ обычаю и дать торжественную клятву никогда не покидать ихъ общества и согласія, а всячески стараться наводить другихъ на истинный путь къ спасенію.

—„ Покрестившись и давши клятву, ты прозришь совершенно очами душевными, чадо Лаврентіе, говорилъ мнѣ Никита Семеновъ: и тебѣ откроются всѣ духовныя сокровищницы, откуда ты станешь обильно черпать словеса ангельскія для убѣжденія въ правотѣ древней вѣры нашей и на пораженіе слугъ антихристовыхъ.“

—„Но вѣдь я крещенъ былъ однажды, такъ по ка-

кому же закону долженъ креститься вторично?“ возражалъ я: „въ символѣ сказано: вѣрую во едино крещеніе, такъ можетъ ли быть два крещенія? Переправиться по вашему я согласенъ, но креститься вторично мнѣ совѣсть запрещаетъ.“

Видя мое упорство и не зная, что отвѣчать противъ моихъ доводовъ, хитрый старикъ, надѣясь, можетъ быть, убѣдить меня со временемъ, по недѣлѣ и по двѣ не напоминалъ мнѣ о перекрещиваньѣ, а я всячески изыскивалъ случая улизнуть тайно изъ скитовъ поморскихъ. Уйти явно не было возможности, потому что нѣсколько глазъ слѣдили неусыпно за мною, какъ за новичкомъ, или, какъ они называютъ, *оглашеннымъ*. Но вѣрно Господь умилосердился надо мною и наслалъ тугу на скитниковъ нашихъ; однажды подъ вечеръ по всему лѣсу разнеслась вѣсть, что исправникъ изъ Каргополя выступилъ съ солдатами, чтобы забрать всѣхъ скитниковъ. Вѣсть эта какъ громомъ поразила всѣхъ нашихъ отшельниковъ; поднялась страшная суматоха, благодаря которой и я утекъ благополучно и ночью прибѣжалъ въ дер. Бахрушеву къ знакомцу моему Іонѣ Яковлевичу, который, дай Богъ ему здоровья, укрылъ меня у себя въ подпольѣ отъ преслѣдованія исправника. Но настоящая опасность угрожала мнѣ вовсе не съ этой стороны, а со стороны старцевъ моихъ и наставниковъ, о чемъ узналъ я дней черезъ пять отъ хозяйки Іониной Ѳедоры Ивановны. Господь знаетъ, что было со мною отъ испуга и страха, когда добрая тетка Ѳедора пересказала мнѣ о замыслахъ скитниковъ противъ меня.— Когда тревога въ лѣсу отъ мнимаго нашествія исправника кончилась и скитники собрались въ свои логовища, спохватился старецъ Никита обо мнѣ и послалъ нѣсколь-

кихъ человѣкъ меня отыскивать; на грѣхъ одному изъ нихъ встрѣтился Іона Яковлевъ и на вопросъ, не видалъ ли онъ меня, объявилъ, что я у него сохраняюсь. Обрадованный скитникъ сталъ упрашивать Іону не выпускать меня отъ себя до приходу ихъ за мною въ эту же ночь, за что обѣщалъ принести ему тридцать цѣлковыхъ денегъ.—Умная Ѳедора, которой мужъ пересказалъ о своей встрѣчѣ съ скитникомъ и о просьбѣ и обѣщаніи его, тотчасъ смекнула, для чего я имъ нуженъ, потому что она знала обычай ихъ не выпускать отъ себя живыми тѣхъ, которые, давъ обѣщаніе жить съ ними, потомъ измѣняли ему. Угрожая гнѣвомъ Божіимъ и судомъ человѣческимъ, добрая женщина уговорила мужа не выдавать меня изувѣрамъ, а сдѣлать доброе дѣло,—отвезти до Грязовца, куда Іона собирался ѣхать.—„Ты небойся, Лаврентьюшка,“ утѣшала меня Ѳедора Ивановна, видя, что я отъ страха трясусь, какъ въ лихорадкѣ: „мы тебя не выдадимъ, а ворваться къ намъ въизбу насильно злодѣи твои не посмѣютъ. Только ты ни слова неговори мужу, о чемъ я пересказала тебѣ.“

Я упалъ въ ноги теткѣ Ѳедорѣ и молилъ ее избавить меня отъ смерти неминучей. — „Будешь живъ, не бойся, и молись только Богу,“ говорила она. Между тѣмъ наступилъ вечеръ, пришла и ночь; отъ тоски и страха я не зналъ гдѣ мѣста найти: ни ѣда, ни сонъ, ни молитва на умъ не шли, а сердце, казалось, выскочить хотѣло, такъ колотилось оно во мнѣ. Но вотъ около полуночи раздался стукъ въ ворота; заслышавъ его, я повалился на полъ и совершенно потерялъ память отъ страха, очнулся же я не раньше, какъ когда все стихло и злодѣи мои со стыдомъ и ругательствами уда-

лились изъ деревни въ трущобы свои. На утро Ѳедора говорила мнѣ, что былъ самъ Никита Семеновичъ съ нѣсколькими учениками своими и сначала лестью и денежными посулами уговаривалъ Іону выдать меня имъ, ради, дескать, спасенія души моей; но тотъ не согласился; тогда началъ Никита стращать обоихъ, что сожжетъ домъ ихъ, но не на тѣхъ напалъ: угрозъ его непобоялись.

Измученный страхомъ, я не могъ успокоиться до тѣхъ поръ, пока послѣ обѣда не выѣхали мы съ Іоной изъ Бахрушевой и верстъ тридцати не отъѣхали отъ проклятыхъ скитовъ поморскихъ. Въ Грязовцѣ только признался мнѣ Іона Яковлевичъ, что имѣлъ противъ меня злой умыселъ, прельстившись тридцатью рублями, и просилъ у меня прощенія. Разумѣется, я не только простилъ своего благодѣтеля, но чувствуя себя на свободѣ, досталъ зашитыя въ кафтанѣ моемъ деньги и насильно принудилъ Іону въ благодарность взять отъ меня десять цѣлковыхъ; доброй же Ѳедорѣ Ивановнѣ послалъ съ нимъ въ гостинецъ мѣшокъ крупитчатой муки, да платокъ и ситцу на сарафанъ въ подарокъ. Разставшись съ Іоной, я направился къ Москвѣ и гдѣ ѣхалъ, а гдѣ и пѣшкомъ шелъ. На шестой, или на седьмой день къ вечеру прибрелъ я въ Ярославль и направился, по указанію одного добраго человѣка, къ дому купца старообрядца, который съ любовію принималъ къ себѣ нашего брата странника.—Отыскавъ домъ странноприимца, я вошелъ смиренно въ кухню и, положивъ начало, низко поклонился бывшей тутъ пожилой женщинѣ одѣтой такъ, какъ одѣваются старицы наши на Рогожскомъ кладбищѣ, и попросился переночевать съ дороги.

—„Присядь, голубчикъ, на лавочку покамѣстъ,“ ла-

сково заговорила старица: „мы вотъ сей часъ только самоваръ братцу подадимъ, и тебѣ накроемъ поужинать. Ты самъ-то откуда идешь?“

—„Московскій, матушка, отвѣчалъ я: „и состою въ древнемъ благочестіи по Рогожскому кладбищу, а теперь иду домой съ богомолья.

—„Доброе дѣло, любезный; я вотъ сей часъ объ тебѣ братцу доложу, онъ охотникъ побесѣдовать съ странниками.“

Минутъ черезъ пять старица воротилась въ кухню и повела меня въ горницу; положивъ начало при входѣ, я низко поклонился хозяину, сидѣвшему около дубоваго стола за кипящимъ самоваромъ. Высокій ростомъ и дородный хозяинъ лѣтъ пятидесяти, съ лицомъ добродушнымъ и кроткимъ, ласково поздоровался со мною и пригласилъ сѣсть къ столу и выпить чашку-другую чаю.— Я сѣлъ и на распросы его отвѣчалъ съ полною откровенностію, потому что видъ его показывалъ человѣка добраго и честнаго.—Когда же я, разсказывая о своихъ приключеніяхъ, дошелъ до знакомства моего съ Никитой Семеновичемъ, слушатель мой улыбнулся и сказалъ:

—„Такъ ты былъ въ скитахъ поморскихъ у Никиты Семеныча? Какъ же ты оттуда живъ-то вышелъ?

—„Самъ Господь, по милосердію Своему, избавилъ меня отъ этихъ злодѣевъ, а то бы неминуемо мнѣ положить тамъ свою голову, а душу отдать діаволу.

—„Скажу тебѣ, Лаврентьюшко,“ заговорилъ хозяинъ, когда окончилъ я разсказъ свой: „что и я бывалъ въ скитахъ поморскихъ и знаю твоего Никиту Семеныча, и видѣлъ тамъ больше чудесъ, нежели тебѣ видѣть удалось. Вотъ какъ было дѣло: ѣхавши изъ Каргополя зимой въ страшную вьюгу и мятель, подъ вечеръ мы

сбились съ дороги и стали плутать по лѣсу. Зги не видно было и мы рѣшились выпрячь лошадей и дождаться утра, какъ вдругъ въ самомъ недальнемъ разстоянiи отъ насъ мелькнулъ огонекъ; обрадовавшись ему, по сугробамъ снѣга я съ прикащикомъ тотчасъ же направился на свѣтъ и наткнулся на небольшую избенку, отъ которой влѣво тянулся высокiй заборъ. Отыскавъ дверь, или воротца небольшiя въ заборѣ, мы стали стучать въ нихъ изо всей силы, и долго стучали по пустому; наконецъ послышались шаги за забором. Кто тамъ? раздался старческiй голосъ у запертыхъ воротцевъ. Проѣзжiе, любезный, отозвался я: сбились съ дороги. Сдѣлай милость, добрый человѣкъ, выпроводи насъ на дорогу, или укажи ближнюю деревню, гдѣ бы намъ ночевать; мы тебѣ что ты хочешь заплатимъ за хлопоты.

—„Для чего же не проводить, намъ здѣсь дороги извѣстны. Вы пообождите маленько, я вотъ только тулупъ надѣну да фонарь зажгу и тотчасъ къ вамъ выйду.“

Минутъ черезъ пять вышелъ къ намъ человѣкъ средняго роста—это былъ знакомецъ твой, — самъ Никита Семеновичъ. Онъ сѣлъ на облучекъ подлѣ кучера и, указывая ему куда держаться, скоро вывелъ насъ на дорогу, проводилъ до деревни и привезъ на ночлегъ къ богатому мужичку, гдѣ нашли мы самоваръ и кое чего поужинать. Никита Семеновичъ остался ночевать съ нами и мы съ нимъ пробесѣдовали за полночь. Правду ты говорилъ, Лаврентiй, что куда сладкоглаголивъ старецъ Никита! И мнѣ показался онъ благочестивымъ и жизни строгой, пустынной; о томъ же, что онъ безпоповецъ—не сказалъ онъ ни слова.—На прощаньѣ я поблагодарилъ его пятью цѣлковыми и обѣщалъ на бу-

дущій годъ привезти ему въ скитъ гостинцевъ изъ Каргополя, и мы разстались пріятелями.

На другой годъ, бывши въ Каргополѣ, я вспомнилъ о своемъ обѣщаніи Никитѣ Семенову и на обратномъ пути въ Ярославль завезъ ему два мѣшка муки и еще кое-чего. Долго стучался я въ воротцы скитскія, не смотря на то что день былъ красный, а не темная ночь съ вьюгою, и думалъ было поѣхать въ деревню, гдѣ мы ночевали прошлый годъ, полагая, что въ скиту никого дома нѣтъ, какъ услышалъ тихій говоръ за заборомъ; я постучался опять. „Кто тамъ? спросилъ Никита Семеновичъ, котораго я узналъ по голосу; знакомый, говорю, изъ Ярославля. Минуты черезъ двѣ воротца отворились и въ нихъ показался старецъ Никита. Здравствуй, говорю, Никита Семенычъ, все ли по добру, по здорову; узналъ ли меня, говорю, замѣтивъ въ старцѣ какое-то смущеніе и даже испугъ.—„Какъ не узнать благодѣтеля, заговорилъ онъ, все еще стоя въ воротцахъ. Я ожидалъ, что онъ скажетъ „добро пожаловать,“ и потому самъ стоялъ передъ нимъ молча. Такимъ образомъ простояли мы минуты три. „Вышли-ко, Семенычъ, человѣка два учениковъ своихъ: я тебѣ изъ Каргополя гостинцу привезъ, пусть они снесутъ его куда укажешь.“—„Спаси Христосъ, кормилецъ, что не забылъ пустынниковъ, заговорилъ Никита: обожди маленько, я вотъ сейчасъ ворочусь“. Оставшись у воротъ, я удивился, что старикъ непозвалъ меня въ избу, какъ бы слѣдовало, и меня стало подстрекать желаніе какъ бы то ни было войти къ скитникамъ и посмотрѣть на житье-бытье ихъ, и только что я хотѣлъ нагнуться, чтобъ войти въ воротца, какъ показался Никита съ двумя дюжими парнями. Сдавъ имъ привезенное, я обра-

тился къ наставнику и говорю весело: а что же ты, Никита Семенычъ, не зовешь гостя въ горницу, хоть обогрѣться маленько.—„Да, оно точно надо бы непремѣнно ублаготворить и ухлѣбить благодѣтеля, да у насъ уставъ возбраняетъ принимать мірскихъ въ келліи.“

—Уставъ маленько измѣнить тебѣ предоставлено—ты начальникъ и учитель, а что до меня, то ты знаешь, что мы старообрядцы, изъ избы сора не выносимъ.

—„Ну инъ быть такъ; пойдемъ, кормилецъ; а ты, братъ Тихонъ, какъ отнесешь мѣшокъ, поставь самоваръ.“

Никита Семенычъ ввелъ меня черезъ сѣни, которыми изба раздѣлялась на двое, въ переднюю горницу. Снявъ шубу, и положивъ начало, я снова поздоровался съ хозяиномъ, и мы сѣли къ столу подъ образами; но куда дѣвалась словоохотливость Семеныча? Бывало, въ прошломъ году, рѣчи изъ сладкоглаголивыхъ устъ его лились безъ умолку, а теперь онъ видимо стѣснялся чѣмъ-то и какъ будто нехотя отвѣчалъ на вопросы мои. Минутъ черезъ пять Никиту позвали по какому-то дѣлу.

—„Ты прости меня Христа ради, благодѣтель: я тебя минуты на двѣ покину; надо самому распорядиться кое чѣмъ,“ — проговорилъ онъ кланяясь и вышелъ. Оставшись одинъ, я сталъ разсматривать древнія иконы, которыми украшена была горница, какъ вдругъ послышалось мнѣ, что въ сѣняхъ кто-то стонетъ; я отворилъ дверь, но въ сѣняхъ никого и ничего не было, и уже хотѣлъ переступить порогъ въ горницу, какъ заслышалъ опять стонъ и какое-то странное храпѣніе за противоположной дверью. Подстрекаемый любопытствомъ и какимъ-то невольнымъ страхомъ, я отворилъ дверь въ горницу, откуда раздавался стонъ, и что же увидѣлъ

тамъ? На полу лежали четыре трупа людей и еще не старыхъ, одѣтыхъ въ бѣлыя длинныя сорочки; руки и ноги у нихъ были крѣпко связаны веревками, изъ разбитыхъ же головъ струилась еще кровь на земляной полъ; видно было, что несчастные недавно, за часъ или менѣе, преданы смерти толстыми дубинами, которыхъ нѣсколько валялось тутъ же. Передъ иконами же, которыми уставлены были стѣны горницы, горѣли свѣчи восковыя, освѣщавшія страшное позорище. Пораженный ужасомъ и испугомъ, я стоялъ передъ отворенной дверью неподвижно. Изъ оцѣпененія вывелъ меня самъ Никита, втащивъ почти насильно въ переднюю горницу; я трясся какъ въ лихорадкѣ.—„Чему ты удивляешься, благодѣтель, и чего страшишься, заговорилъ Никита своимъ сладкимъ голосомъ: „ты видѣлъ тѣла праведниковъ, души которыхъ теперь во царствіи небесномъ; упокойники волею пришли къ намъ ради спасенія, покрестились и дали обѣты никогда и ни за что не покидать вѣры нашей и неоставлять согласія. Но врагъ діаволъ смутилъ и соблазнилъ ихъ: они вознамѣрились бѣжать отсюда. Но Господь открылъ намъ умыселъ ихъ, и мы, по древнему закону Моисееву, дабы спасти души, успокоили тѣлеса ихъ, за неимѣніемъ каменіевъ, дубинками.“

—„Такъ этакъ вы, пожалуй, и меня успокоите,“ сказалъ я.

—„И, что ты, благодѣтель! Мы по уставу нашему успокоиваемъ только своихъ, а ты не нашъ—ты не покрещивался и клятвы не давалъ: мы тебя пальцемъ не тронемъ; только ты не выдай насъ слугамъ антихриста.“

—Я ужъ сказалъ разъ, что мы, старообрядцы, сору изъ избы не выносимъ, отвѣчалъ я, надѣвая шубу и торопясь вырваться на свѣтъ Божій.

„А чайку-то что же, благодѣтель?“

— Нехочется что-то, спасибо. Ну прощай Никита Семенычъ, прибавилъ я, отворяя дверь въ сѣни, и, не видя задержки и преслѣдованія, опрометью кинулся къ воротцамъ, которыя, къ счастію, небыли заперты. Я бросился въ сани, и велѣлъ парню погонять лошадей что есть мочи, какъ бы только поскорѣй уѣхать подальше отъ гнѣзда разбойничьяго.“

Было уже поздно, когда окончили мы съ хозяиномъ бесѣду нашу. Поужинали, легли спать, а утромъ я, отыскавъ попутчика, поѣхалъ въ Москву, гдѣ снова поступилъ на фабрику.

Когда я появился на фабрикѣ, то всѣ знакомые долго не давали мнѣ покою распросами своими: гдѣ пропадалъ я столько времени? Отдѣлываясь съ разными выдумками, я скоро отвадилъ отъ себя любопытныхъ; но не бросало меня духовное начальство, потому, что по приходѣ изъ Сергіевой Лавры, я просилъ дать мнѣ сроку на размышленіе и долго увертывался, прося отсрочки. Наконецъ вышло распоряженіе отправить меня въ Берлюковскую пустынь на увѣщаніе къ тамошнему строителю отцу Парѳенію; сладкія словеса Никиты Семеновича отчалили меня отъ одного берега, отъ поповщины, поколебавъ во мнѣ вѣру въ поповъ нашихъ, которые, правду сказать, и прежде казались мнѣ сомнительными, въ особенности понадѣланные изъ нашего брата фабричнаго Австрійскимъ архіереемъ, бывшимъ безпоповцемъ, нашимъ же сновальщикомъ, да и къ другому берегу не пристalъ—къ безпоповщинѣ; такъ кажется надо бы было мнѣ подумать о душѣ своей. Но діаволъ до того осилилъ меня, что я сдѣлался упорнѣе и ожесточеннѣе прежняго противъ истинной вѣры и Церкви Христовой,

и потому рѣшился, отправляясь въ Берлюки, твердо стоять на своемъ и упорно молчать, чтобы ни говорилъ о. Парѳеній. Однако же съ первой бесѣды его со мною твердость и упорство мое рушились: отецъ Парѳеній, самъ бывшій раскольникъ, такъ ясно нашими же Іосифовскими книгами доказывалъ заблужденія раскольниковъ, что я и самъ сталъ сознавать ошибки свои и увидѣлъ всю лживость мнѣній и убѣжденій какъ поповцевъ, такъ и безпоповцевъ.—Убѣждаясь болѣе и болѣе въ справедливости доказательствъ отца Парѳенія, на седьмой день я объявилъ ему, что рѣшился покинуть расколъ и присоединиться къ единовѣрію, потому что очень привыкъ къ обрядамъ своимъ. — Получивъ отъ него бумагу въ Консисторію и письмо къ единовѣрческому священнику на Рогожскомъ кладбищѣ, я отправился въ Москву, и здѣсь присоединился къ покинутой мною въ молодости истинной Церкви Христовой, имѣющей пастырей, посвящаемыхъ архіереями, пріявшими рукоположеніе отъ истинныхъ преемниковъ апостольскихъ, а не отъ бѣглаго подсудимаго митрополита Амвросія.

Иванъ Шевелкинъ.

КАКІЯ СРЕДСТВА УПОТРЕБЛЯЮТЪ ИНОГДА РАСКОЛЬНИКИ ДЛЯ СОВРАЩЕНІЯ ПРАВОСЛАВНЫХЪ.

День клонился къ вечеру, когда я выѣхалъ изъ Олонца къ Петрозаводску, и, признаюсь, раскаялся въ своей опрометчивостн, потому что черезъ какой нибудь часъ густой снѣгъ повалилъ хлопьями и поднялась мятель

страшная; свѣта Божьяго невидно было; страхъ запутаться и замерзнуть въ пустыняхъ Олонецкихъ стѣснилъ мое сердце, тѣмъ болѣе, что ямщикъ у меня былъ малолѣтный Олончанинъ, который, видимо, и самъ струсилъ; кромѣ того возница мой ни слова не понималъ порусски, и на всѣ вопросы отвѣчалъ: *Мида* и *неймуста*, (что, и не понимаю). Отъ города отъѣхали мы не болѣе пяти верстъ, слѣдовательно можно бы было воротиться, что я и рѣшился сдѣлать; но мальчикъ не понималъ и знаковъ; между тѣмъ до станціи оставалось еще двадцать верстъ, а деревень по дорогѣ—ни одной.- Кто бывалъ въ пути въ мятель и вьюгу, тотъ пойметъ, въ какомъ положеніи находился я. Но вотъ къ счастію моему и великой радости послышались голоса за санями (здѣсь надо замѣтить, что Олончане тихо разговаривать не умѣютъ); я повернулся къ проѣзжимъ и сталъ ихъ просить сказать моему ямщику, чтобы онъ поворотилъ назадъ въ Олонецъ.

— А на что тебѣ назадъ ворочать?

— Да развѣ ты не видишь, какая погода, свѣта Божьяго не видно.

— Погода, можетъ, завтра хороша будетъ; такъ лучше поѣзжай за нами на заводъ къ Леонтью Васильевичу; отсюда не далеко; онъ добрый человѣкъ, у него и переночуешь.

Разумѣется, я съ удовольствіемъ и благодарностію принялъ предложеніе благодѣтелей, и мы за ними направились, да и мальчикъ мой видимо образовался, потому что весело погналъ лошадей и даже пѣсню запѣлъ.— Проѣхавъ версты двѣ по почтовой дорогѣ, мы своротили въ сторону въ лѣсъ, а черезъ полчаса послышался шумъ воды, двигавшей машины на лѣсопильномъ заводѣ

Леонтья Васильевича и вскорѣ заблистали огоньки на заводѣ. По приказанію дорожныхъ благодѣтелей, возница мой, когда пріѣхали на заводъ, направился къ довольно большому дому и остановился у крыльца. На звонъ почтоваго колокольчика на крыльцѣ показался молодецъ, и привѣтливо пригласилъ меня пожаловать въ домъ, говоря, что Леонтій Васильевичь у себя; самъ же бросился къ санямъ и, переговоривъ что-то съ возницей, вынулъ изъ нихъ моихъ дорожныхъ спутниковъ: чемоданъ, подушку и полость. Въ передней уже я объяснилъ молодцу: кто я и какими судьбами и зачѣмъ попалъ къ нимъ.

— Пожалуйте въ горницу, сказалъ онъ; а я тотчасъ же скажу объ васъ хозяину.

Горница, куда ввелъ меня молодецъ, освѣтивъ ее стеариновой свѣчей, была довольно обширна и украшалась св. иконами и, по стѣнамъ, картинами. Не прошло и двухъ минутъ, какъ въ нее вошелъ и самъ хозяинъ, мужчина лѣтъ 45, красивой наружности съ русою окладистою бородою.

— Добро пожаловать, заговорилъ Леонтій Васильевичь, дружески протягивая мнѣ руку: благодарю погоду, что она доставила мнѣ удовольствіе принять у себя хотя незнакомаго еще, но все-таки дорогаго гостя. Михайло, самоваръ скорѣй, да закуску вели приготовить. Милости прошу въ гостиную.

— Вы въ первый разъ въ странѣ нашей? спросилъ хозяинъ, усаживая меня на мягкій диванъ.

— Нѣтъ; я бывалъ здѣсь раза два, но въ лѣтнее время, и по вашей Петрозаводской дорогѣ доѣзжалъ до Никифировской пустыни. Теперь же путь мой лежитъ на Петрозаводскъ, а оттуда въ Палеотрсовскій монастырь,

въ Повѣнецъ и въ скиты поморскіе; хочется познакомиться съ образомъ жизни тамошнихъ отшельниковъ.

— Въ настоящее время, скажу вамъ, благодаря неусыпнымъ трудамъ и стараніямъ нашего Высокопреосвященнаго архіепископа Аркадія, поморская мѣстность въ нашей губерніи день отъ дня видимо измѣняется къ лучшему, потому что туда проникъ наконецъ лучъ истиннаго слова Божія; и мы надѣемся, что въ непродолжительномъ времени, расколъ въ странѣ нашей если не прекратится совершенно, то много и значительно ослабѣетъ.

— Но все-таки, зная изувѣрство здѣшныхъ раскольниковъ и ненависть ихъ къ Церкви и всему священству, никакъ не могу вполнѣ согласиться, чтобы обращеніе къ Церкви шло быстро и успѣшно; тѣмъ болѣе, что расколъ сильно вкоренился въ старикахъ и старухахъ и твердо поддерживается богатыми раскольниками, разумѣется, изъ самолюбія и тщеславія.

— Мнѣніе ваше могло бы быть справедливо лѣтъ десять или пятнадцать тому назадъ, теперь же оно неосновательно, потому что наше Олонецкое молодое поколѣніе, по торговлѣ и промысламъ обращаясь въ Петербургѣ, стало видимо просвѣщаться и образовываться, начало, кромѣ своихъ кривотолкововъ, читать и другія книги, не пренебрегая и духовныя; и потому стали смотрѣть на безтолковую вѣру свою съ сомнѣніемъ и даже спорить съ стариками и наставниками. Повѣрьте мнѣ, какъ человѣку опытному въ дѣлѣ нашего безпоповщинскаго раскола: ежели раскольникъ самый закоренѣлый, отбросивъ фанатизмъ, станетъ читать свои Поморскіе отвѣты, Соловецкую челобитную и другія кривотолкованья, а также и наши православныя сочиненія, то непремѣнно покинетъ расколъ и обратится къ Церкви.

Между тѣмъ подали закуску и чай. Попивая его, мы продолжали бесѣдовать, но уже о другихъ матеріяхъ, расколъ же былъ оставленъ въ сторонѣ. Признаться, я не мало удивлялся природному, свѣтлому уму моего хозяина, развитому разнообразнымъ чтеніемъ; сужденія его о торговлѣ, о политикѣ и другихъ предметахъ были дѣльны и основательны, а потому я не разъ выражалъ ему мое удивленіе, что́, видимо, нравилось ему.

— Ну, если на то пошло, такъ я скажу вамъ, мой гость любезный, что начитанностью моей и кой какимъ образованіемъ я обязанъ расколу, въ который совратился дватцати трехъ лѣтъ, единственно ради благъ земныхъ и любви плотской. Но я передамъ вамъ обстановку моего дѣтства и юности, и, можетъ быть, вы снисходительно взглянете на страшный грѣхъ мой.

Родился я отъ православныхъ родителей Олончанъ въ Петербургѣ, гдѣ отецъ мой былъ сторожемъ въ гостиномъ дворѣ, а матушка стряпухой по домамъ купцовъ средней руки и у мѣщанъ, искусно приготовляя обѣды; Съ семи лѣтъ стали посылать меня въ приходскую школу, а десяти отдали па Апраксинъ дворъ въ лавку въ мальчики на пять лѣтъ. Изъ этого можете судить, каково было мое дѣтское воспитаніе. Но человѣкъ ко всему привыкаетъ, и потому съ терпѣніемъ провелъ я ученическіе годы. Въ это время матушка моя умерла, а отецъ по милости водки лишился мѣста и уѣхалъ на родину. Едва вышелъ я изъ черной жизни мальчика, и сталъ поближе знакомиться съ веселой столичной жизнію, какъ получилъ письмо отъ отца, въ которомъ онъ строго на-строго приказывалъ мнѣ разсчитаться съ хозяиномъ и немедленно ѣхать домой.—Жаль мнѣ было раз-

статься съ Петербургомъ и добрымъ хозяиномъ, и отправляться въ страну, которой никогда не видалъ; но дѣлать нечего, надо было покориться волѣ родительской; печальный, и грустный прибылъ я на пильный заводъ будущаго хозяина моего; на спросъ, гдѣ тутъ квартира отца, проходившій рабочій, оглянувъ меня съ любопытствомъ, отвѣчалъ: ты не сынъ ли будешь дяди Василья? Сынъ.—Церковный?—Церковный, разумѣется.—Ну такъ ступай вонъ туда въ контору, тамъ у насъ церковные живутъ, а отца твоего дома нѣтъ. Значитъ, я къ раскольникамъ попалъ, подумалъ я, направляясь къ конторѣ, гдѣ трое молодыхъ ребятъ встрѣтили меня радушно, и тотчасъ же распорядились самоваромъ. Бесѣдуя за чайкомъ съ новыми товарищами, я узналъ новость весьма непріятную:—отецъ съ годъ до моего пріѣзда покинулъ Церковь и ушелъ въ расколъ безпоповщинскій, къ которому вринадлежалъ и хозяинъ нашъ. Не получивъ ни въ дѣтствѣ, ни въ юности даже поверхностнаго понятія о догматахъ и правилахъ православной нашей вѣры, я хотя и не вполнѣ могъ сознать всю великость грѣха несчастнаго родителя моего, но все-таки почувствовалъ какое-то тяжелое стѣсненіе въ груди и зарыдалъ, какъ ребенокъ. Товарищи, какъ будто сочувствуя моему горю, дали мнѣ волю выплакаться.—Въ этотъ же вечеръ я успѣлъ разузнать и о будущемъ хозяинѣ моемъ: еще до французкаго года задолго въ здѣшнюю сторону прибыли изъ Москвы два брата двоюродные, Ананій и Денисъ Т—вы, раскольники безпоповщинскаго толка, полагать надо, съ порядочными деньгами, потому что вскорѣ накупили рощей въ Олонецкомъ и въ Вытегорскомъ уѣздахъ, и мѣстную торговлю повели на широкую руку. Устроивъ пильный заводъ не подалеку отъ

Олонца, Денисъ поселился здѣсь, Ананій же остался на старомъ мѣстѣ. Впрочемъ оба брата, хотя и раскольники, были люди добрые и справедливые.

На другой день утромъ меня отвели къ *дядинькѣ* Денису, предупредивъ сначала, чтобы я отнюдь не молился въ его горницѣ, а поклонился бы только и сталъ у притолки.—„Здорово, молодецъ,“ заговорилъ дяденька Денисъ, высокій старикъ съ суровымъ блѣднымъ лицемъ, окаймленнымъ длинною бородой съ сильной сѣдиной: хорошо сдѣлалъ—что отца послушался; ты, говорятъ, парень шустрый и честный,-такіе люди намъ пригодны. Будешь хорошо служить—жалованьемъ не обижу. Ступай теперь въ контору и тамъ помѣстись; завтра тебѣ дѣло назначу.“—Тѣмъ аудіенція моя и кончилась. Вечеромъ пріѣхалъ отецъ и, признаюсь, я едва узналъ его: изъ добродушнаго веселаго старика онъ сдѣлался сердитымъ и мрачнымъ и, даже, не обнялъ и не поцѣловалъ меня, какъ бы слѣдовало родителю; поговоривъ немного, мы разстались какъ чужіе.—Ты бусурманскую одежду свою скинь, а сшей кафтанъ русскій да чуйку, прибавилъ старикъ, уходя.

На другой день я поступилъ на дѣло, подъ надзоръ старшаго прикащика, православнаго къ счастію, и вскорѣ псстигъ всю суть лѣснаго и дровянаго производства, такъ что съ небольшимъ въ два года сдѣлался самымъ опытнымъ прикащикомъ, а за расторопность мою и честность все болѣе и болѣе пріобрѣталъ расположеніе и довѣріе отъ хозяина. Болѣе двухъ лѣтъ не видя даже намека на то, чтобы перейти въ безпоповцы, я совершенно свыкся съ своей должностью и, даже, полюбилъ ее. Но вотъ начались и мои искушенія! Всегда суровое обращеніе отца со мною вдругъ измѣнилось до того,

что онъ, когда бывалъ я дома, сталъ призывать меня къ себѣ, и сначала намеками, а потомъ уже напрямикъ началъ уговаривать покреститься и перейти въ ихъ согласіе. Въ этомъ уговариваніи самое дѣятельное участіе принималъ нашъ заводскій наставникъ старецъ Андрей. Ужъ чего-чего не толковали они мнѣ: сперва съ глубокими вздохами изъяснялись они въ нелицемѣрной любви своей и душевно будто бы скорбѣли о неминуемой, вѣчной погибели моей. Полагая, что отецъ со старцемъ дѣйствовали по приканію хозяина, я сначала ничего не возражалъ имъ, да и возражать-то не былъ въ состояніи, и одно только твердилъ, что не покину вѣры матерней. Между тѣмъ старшій прикащикъ, которому я объявилъ о моихъ искушеніяхъ, сколько умѣлъ, объяснилъ мнѣ правила и догматы вѣры нашей православной, и въ заключеніе прибавилъ: „если они ужъ сильно станутъ приставать къ тебѣ и хулить нашу вѣру, то ты только скажи имъ: Господь Спаситель нашъ во св. Евангеліи сказалъ: *созижду Церковь мою, и врата адова не одолѣютъ ей.* Слѣдовательно Церковь Христова на землѣ будетъ существовать вѣчно, до втораго пришествія Господа, и никто и ничто не въ силахъ хотя малѣйше поколебать ее. Такъ какимъ же, молъ, образомъ прекратилась у насъ Церковь съ учрежденными Самимъ Господомъ священствомъ и прочими Таинствами церковными?“

Вотъ-съ однажды, воротившись изъ рощи, только что засѣлъ я за самоваръ, является за мной посланецъ отъ тятеньки, сейчасъ, молъ. Только чаю напьюсь, отвѣчалъ я на зовъ и разсердился даже.—„Что это ты, Леонтій, по сю пору не отвыкнешь отъ этого многомерзкаго зелья, заговорилъ отецъ, лишь только я вошелъ къ нему: знаешь ли ты, что проклятые китайцы, на пагубу душъ,

сбрызгиваютъ чай змѣинымъ жиромъ, отъ того-то онъ вамъ, погибающимъ, и сладокъ кажется?

— Гдѣ же они тамъ змѣй-то наберутъ? сказалъ я смѣясь.

— Тамъ, Леонтьюшко, если бы не на чай, перебилъ старецъ Андрей, такъ отъ змѣй дѣваться бъ некуда было.

Тутъ ужъ я не выдержалъ и захохоталъ просто; старики, однакоже, не разсердились, а переглянулись только. — Послѣ непродолжительнаго молчанія старецъ Андрей заговорилъ сладкимъ вкрадчивымъ голосомъ, и какъ будто стороной намекнулъ, что дядюшка Денисъ очень доволенъ моей службой и искренно меня полюбилъ; но что онъ душой скорбитъ, видя упорство мое спасти душу свою и покинуть никоніанскую ересь.

— Вотъ ваша-то вѣра—еретическая!

— Молчи! перебилъ отецъ, расердившись не на шутку: „кабы ты зналъ, что дядюшка Денисъ кромѣ того, что сдѣлаетъ тебя главнымъ довѣренныхъ прикащикомъ, а еще хотѣлъ деньгами наградить, такъ не забиралъ бы себѣ въ голову пустяковъ разныхъ.

— Такъ ты думаешь, что изъ-за денегъ да изъ-за земныхъ выгодъ я соглашусь лишиться царства небеснаго? Что вы тутъ ни толкуйте, а меня съ моего праваго пути не собьете. Хочетъ дядя Денисъ, чтобъ я по прежнему служилъ ему, то пусть оставитъ меня въ покоѣ, а если нѣтъ то пусть разчитаетъ, безъ мѣста шататься не буду. Теперь мнѣ дѣлать у васъ нечего, прощайте.

Раздасадованный, пришелъ я домой и безъ ужина повалился на койку.—„Ну, думаю, завтра меня здѣсь не

будетъ; но Богъ милостивъ; здѣшніе лѣсопромышленники знаютъ меня, безъ дѣла не буду".

Утромъ прислалъ за мной хозяинъ. — По прежнему привѣтливо и ласково принялъ онъ меня. Переговоривъ о дѣлахъ, дядя Денисъ прибавилъ: „вотъ что, Леонтій, присмотръ за рубкой дровъ поручи, кому найдешь сподручнѣе, самъ же ты съ утра поѣзжай на Шуньгу въ ярманку и тамъ закупи, что̀ напишу, и все это отвези къ старцамъ и старицамъ нашимъ въ скиты Повѣнецкіе отъ меня въ гостинцы. Ужо приготовлю я записку и письма, а за-утро ты поѣзжай съ Архипомъ, онъ знаетъ дорогу туда. Теперь ступай, приготовляйся."

Понимаю, любезный, зачѣмъ ты посылаешь меня, да нѣтъ, въ расчетѣ ошибешься! Нагрузивъ въ Шуньгѣ порядочныхъ пять возовъ мукой крупичатой, рыбой, икрой, медомъ и разными мелочами на *утѣшеніе*,—густыми, дѣвственными лѣсами, не слыхавшими топора въ предѣлахъ своихъ, то озерами, то горами каменистыми, пробирались мы шагомъ всю дорогу и наконецъ коекакъ дотащились до гнѣздъ безпоповскихъ. Хотя посѣщеніе этихъ логовищъ на представляло ничего утѣшительнаго, я все-таки обрадовался, когда мы остановились у воротъ довольно обширнаго монастыря, окруженнаго высокимъ деревяннымъ заборомъ. Не стану подробно разсказывать вамъ о Повѣнецкихъ *обителяхъ*, потому что не обращалъ на нихъ никакого вниманія, а скажу только, что всѣ онѣ устроены на болѣе или менѣе обширныхъ полянахъ около небольшихъ озеръ, содержатся въ необыкновенной чистотѣ и населены исключительно раскольниками поморскаго толка, получившаго начало отъ Андрея Денисова, написавшаго

„Отвѣты поморскіе," почитаемые раскольниками чуть ли не выше самаго священнаго Писанія. Какъ полагалъ я, здѣсь всѣ старцы и старицы, конечно по просьбѣ дяди Дениса, старались уговаривать меня. Съ ними я не церемонился, и рѣшительно просилъ отъ бесѣдъ своихъ уволить, объявивъ, что ни слушать, ни отвѣчать ничего не буду.

Съ особеннымъ удовольствіемъ оставилъ я притоны изувѣровъ, и вскорѣ пріѣхалъ домой на страстной недѣлѣ. Ну, думаю, теперь дядя Денисъ или оставитъ меня въ покоѣ, или прогонитъ меня. — Принявъ письма, отчетъ и оставшіяся деньги, хозяинъ, какъ будто предчувствуя, что не найдетъ въ письмахъ, чего ожидалъ,— сурово сказалъ: „ладно, ступай." На другой день дядя Денисъ пришелъ за мной: „братъ пишетъ изъ Вытегры заговорилъ онъ, что у него конторщикъ мошенникъ, перапуталъ всѣ книги, а прикащики въ рощахъ явно воруютъ; поѣзжай къ нему сего-дня же на почтовыхъ, пока еще дорога стоитъ, и приведи тамъ все въ порядокъ. Да захвати съ собой пожитки, можетъ придется тамъ съ полгода прожить. Ступай, приготовляйся!

Порученіе это мнѣ нравилось и даже радовало, потому что дядя Ананій былъ раскольникомъ мелкой руки и окруженъ православными, слѣдоваательно искушеній тамъ не предвидѣлось. Но на дѣлѣ вышло совсѣмъ напротивъ: дядинька Денисъ придумалъ чисто іезуитскую продѣлку: не поколебавъ во мнѣ ума, онъ рѣшился напасть на страсти, или на сердце и чувства мои.

Дядя Ананій развѣ только по высокому росту походилъ на брата своего, въ прочемъ же во всемъ отличался отъ него: былъ ласковъ, привѣтливъ, разговорчивъ

и обходителенъ. Онъ принялъ меня радушно, усадилъ подлѣ себя на диванѣ и долго бесѣдовалъ о разныхъ разностяхъ. Обревизовавъ контору и открывъ множество безпорядковъ и упущеній, я обо всѣхъ ихъ составилъ выписку и снесъ Ананію. — „Напрасно ты трудился, Леонтьюшка, надъ повѣркою: что съ возу упало, то ужъ пиши: пропало; что съ нихъ возмешь, мошенниковъ? А вотъ ты внучкѣ моей Пелагеѣ разскажи да укажи, какъ на будущее время орудовать по конторѣ; она у меня дѣвка грамотная, смышленая, словомъ, настоящая московка. Эй, Палаша, поди сюда!

Черезъ минуту, или двѣ, въ горницу къ намъ вошла дѣвушка лѣтъ семнадцати, стройная и высокая. При первомъ взглядѣ на нее, я почувствовалъ въ груди что-то необыкновенное, чего не испытывалъ никогда допрежде, хотя и видывалъ много красавидъ. Не стану распространять разсказа моего, а скажу, что съ знакомствомъ моимъ съ Палашей участь моя рѣшилась: черезъ три мѣсяца я согласился оставить мать свою Церковь православную и ушелъ въ расколъ, собственно изъ-за того, чтобы жениться на Пелагеѣ. Вмѣстѣ съ нею получилъ я отъ стариковъ полную довѣренность на производство торговыхъ дѣлъ ихъ и формальное завѣщаніе всего движимаго и недвижимаго имѣнія послѣ ихъ смерти. Кажется въ практическомъ отношеніи невозможно было лучше обдѣлать дѣлъ своихъ: жена красавица, умница и кроткаго, мирнаго характера и милліонное богатство, чего больше: живи и не тужи. Такъ сначала и самъ я думалъ; но черезъ годъ совѣсть начала пробуждаться во мнѣ и я терпѣлъ страшныя нравственныя мученія въ продолженіи трехъ лѣтъ, пока не схоронилъ стариковъ Ананія и Дениса.—Черезъ шесть

недѣль послѣ смерти дѣдушки Дениса, мы съ женой и сыномъ приняты были въ милосердыя объятія сердобольной Матери нашей Церкви православной. Въ бытность мою въ расколѣ я пристрастился къ чтенію и прочелъ почти всѣхъ кривотолковъ безпоповскихъ, и кромѣ хитросплетеній, запутанностей, противорѣчій одинъ другому и явныхъ выдумокъ ничего въ нихъ не нашелъ. Чтобы намъ не возвращаться къ разговору о расколѣ, скажу вамъ, что ни одинъ православный, какъ бы слабъ ни былъ въ своихъ убѣжденіяхъ, ни за что не согласится сдѣлаться раскольникомъ безъ какой-либо цѣли; и если вамъ какой отступникъ скажетъ, что ушелъ въ расколъ, убѣдившись въ его правильности—то это ложь самая безсовѣстная.

И. Шевелкинъ.

НѢЧТО ИЗЪ РАСКОЛЬНИЧЬЯГО БЫТА.

Лѣтъ пятнадцать тому назадъ прогостилъ я цѣлое лѣто въ Нижегородской губерніи въ С*** уѣздѣ у пріятеля моего, тамошняго помѣщика О—ва, въ его превосходной усадьбѣ сельцѣ Александровскомъ. Мѣстность около Александровскаго верстъ на десять въ окружности была чрезвычайно живописна и изобиловала множествомъ превосходныхъ мѣстъ для охоты всякаго рода; въ особенности привлекало меня на картинные берега свои огромное озеро, гдѣ встрѣчалось всегда множество дикихъ утокъ; въ самомъ же озерѣ водилось великое множество чрезвычайно крупныхъ лещей, карасей и окуней: бывало съ часъ посидишь въ лодкѣ на озерѣ и на одну удочку наловишъ десятковь до трехъ и четырехъ, иногда, огромныхъ окуней и карасей. Воды этого озера, по изобилію рыбы въ немъ, приносили О—ву весьма значительный денежный доходъ за право ловить въ нихъ рыбу неводами. Нѣсколько лѣтъ сряду арендовалъ озеро у О—ва С*** купецъ Михайло Семеновичъ К., раскольникъ самый ретивый поповщинскаго толка, но несмотря на это, человѣкъ весьма честный, хорошій, гостепріимный и радушный. Между своими считался онъ столпомъ старинной вѣры, великимъ начетчикомъ и толкователемъ писанія, и былъ правой рукой знаменитой въ то время по всему С—у уѣзду и въ другихъ мѣстахъ, даже отдаленныхъ, матушки Марьи Петровны, наставницы и руководительницы въ древлеправославной вѣрѣ. Марья Петровна постоянно проживала въ С*** въ своемъ домѣ, и отсюда самовластно

заправляла спасеніемъ душъ своихъ единомышленниковъ не въ одномъ городѣ только, но и по деревнямъ и селамъ на пространствѣ обширномъ. Слава о сладкоглаголаніи, благочестіи, начитанности и твердости въ вѣрѣ матушки Марьи и ея премудрости гремѣла не только въ Нижнемъ, въ Казани, въ Костромѣ, но и въ самой Москвѣ: она пользовалась почетомъ и уваженіемъ, чуть ли не равными съ знаменитой Рогожской старицей матушкой Пульхеріей, избраннымъ сосудомъ веліей премудрости, какъ величаютъ ее московскіе поповцы. Марьѣ Петровнѣ, въ то время, какъ я зазналъ ее, было лѣтъ пятьдесятъ, но на старуху-постницу и труженицу она не походила вовсе: высокая ростомъ, довольно плотная, но ловкая и проворная, съ лицемъ свѣжимъ, правильнымъ, съ черными блестящими глазами и такими же волосами безъ малѣйшей сѣдины, она скорѣе походила на богатую беззаботную купчиху, нежели на мать преподобную, посвятившую себя посту и молитвѣ. Марья Петровна была дѣвица и изъ родни жила съ ней только одна племянница, лѣтъ осьмнадцати, которую можно бы было назвать весьма недурной дѣвушкой, еслибъ она не была черезъчуръ полна. Племянницу свою Марья Петровна любила и лелѣяла, какъ дочь родную, и одѣвала какъ куклу, не въ сарафаны раскольничьи, какіе сама носила, а въ городскія модныя платья, большею частію шелковыя. Щегольство Натальи Андреевны (имя племянницы), разумѣется, не могло не породить зависти и недоброжелательства къ ней между горожанками, и даже молодыми раскольницами; всѣ до того возненавидѣли Наталью, что стали распускать про нее нелѣпые слухи.

Довольно длинный, о семи окнахъ, домъ съ мезони-

номъ раскольничьей наставницы, построенный въ отдаленной глухой улицѣ, съ трехъ сторонъ окруженъ былъ высокимъ тесовымъ заборомъ; къ задней сторонѣ дома примыкали разныя пристройки большія и малыя, обезобразившія домъ и стѣснившія довольно обширный дворъ; въ одномъ углу двора устроена была довольно большая баня, а въ другомъ конюшни для лошадей пріѣзжавшихъ гостей-богомольцевъ, которыхъ стекалось сюда весьма много въ особенности по постамъ, чтобы усладиться сладкою и душеспасительною бесѣдою съ матушкой Марьей, за что, разумѣется, они привозили съ собой или послѣ присылали богатые гостинцы и жертвовали денежныя подаянія, довольно значительныя.

Въ домѣ Марьи Петровны находилась освѣщенная сверху, довольно просторная моленная, украшенная иконостасомъ съ древними иконами; въ нее по воскресеньямъ и по праздникамъ собирались горожане раскольники на утреннее служеніе, къ часамъ и къ вечернѣ. Около этой моленной въ небольшихъ келейкахъ спасались до двадцати *стàричекъ*, большею частію молодыхъ и красивыхъ. Марья Петровна на любила окружать себя старушечьими лицами; приживалокъ своихъ, лишь только переступятъ онѣ черезъ тридцать пятый годъ своей жизни, она имѣла обыкновеніе помѣщать въ Костромскіе и Керженскіе скиты или отсылать на Иргизъ, гдѣ пользовалась также не малымъ уваженіемъ. Стàрички матушки Марьи, кромѣ чтенія и пѣнія въ моленной, занимались всѣми хозяйственными работами, въ кухнѣ, напримѣръ, въ прачешной и проч., а въ остальное время шили, вышивали, стягали подручники, а искусныя въ письмѣ по уставу перепивывали канунчики и даже цѣлыя книги, и, разумѣется, къ старымъ ошибкамъ прибавляли еще

ошибки новыя. По зимамъ Марья Петровна нанимала извощиковъ изъ раскольниковъ и отправляла половину своихъ старичекъ за сборомъ въ разныя стороны и даже въ отдаленную Сибирь.

Возвращусь къ Михайлу Семеновичу. Онъ часто навѣщалъ сельцо Александровское, и потому я сошелся съ нимъ очень близко, бывалъ нѣсколько разъ у него въ городѣ и въ октябрѣ доѣхалъ съ нимъ до Нижняго, гдѣ мы дружески разстались и съ тѣхъ поръ вовсе не видались до 1861 года. Въ 1861 году случилось мнѣ быть въ Нижнемъ-Новгородѣ во время шумной его ярмарки. По субботамъ и передъ праздниками ко всенощной ходилъ я всегда въ соборъ Нижегородскій, находящійся въ кремлѣ. Одинъ разъ, кажется передъ праздникомъ Успенія Пресвятыя Богородицы, стою я у всенощной на привычномъ мѣстѣ своемъ у стѣны передъ свѣчнымъ ящикомъ, и вдругъ вижу подходящаго къ нему купца солидной наружности, какъ двѣ капли воды похожаго на пріятеля моего, раскольника Михайла Семеновича. Зная закоснѣлость его въ кривотолковой вѣрѣ, я никакимъ образомъ не полагалъ, чтобы это былъ мой знакомецъ въ подлинникѣ, а удивлялся только, что на свѣтѣ могутъ существовать два человѣка, такъ разительно схожихъ между собою. Но ближе всмотрѣвшись въ лице вошедшаго купца, я наконецъ убѣдился, что это самъ старинный пріятель мой. Послѣ всенощной я вышелъ изъ собора съ нимъ вмѣстѣ, и пройдя нѣсколько позади его, окликнулъ: „Михайло Семенычъ! сколько лѣтъ, сколько зимъ не видались!“

Михайло Семенычъ,—это былъ онъ самъ,—торопливо обернулся, снялъ фуражку и съ улыбкой раскланиваясь сказалъ: „Точно такъ-съ, я Михайло Семеновъ К.; но васъ я не имѣю чести знать, извините.“

— Неужели борода и сѣдые волосы измѣнили меня такъ, что и старые закадычные пріятели не узнаютъ Ив. Вас. Ш.? сказалъ я, протягивая руку Михайлѣ Семеновичу·

— Боже мой! Да не ужели это ты, Ив. Вас.? почти закричалъ Михайло Семеновичъ, обнимая меня: вотъ неожиданная встрѣча! Вѣдь давно не видались?

— Да лѣтъ двѣнадцать будетъ, а я все-таки узналъ тебя; но вотъ что я тебѣ скажу, Михайло Семеновичъ: въ лице я тебя узналъ скоро, но вотъ чего я не могу понять: какимъ образомъ ты, закоренѣлый старообрядецъ, ревнитель древняго благочестія, какъ ты самъ себя величалъ, начетчикъ и учитель,—какимъ образомъ, говорю, зашелъ ты въ нашу православную церковь, отъ которой прежде бѣгалъ, какъ отъ зачумленнаго мѣста какого нибудь, и усердно молился трехперстнымъ сложеніемъ, которое прежде называлъ щепотью табашною и печатью антихриста?

— Вотъ что тебя удивило! Такъ знай же, дружище, что уже десятый годъ идетъ, какъ спала съ душевныхъ очей моихъ проклятая повязка, закрывавшая отъ нихъ святую истину, и Господь, Царь небесный, умилосердился надо мною, окаяннымъ, и допустилъ меня, недостойнаго грѣшника и хулителя, вступить многомерзкою стопою во врата истинной Церкви, которая по обѣтованію самого Господа пребудетъ до скончанія міра, которая непричастна ни единой ереси или нововведенію какому нибудь, а всегда свято хранила и исполняла, какъ и нынѣ хранитъ и исполняетъ, всѣ правила и постановленія святыхъ Апостоловъ и седми Соборовъ Вселенскихъ и девяти помѣстныхъ.—Все это Михайло Семеновичъ говорилъ какъ-то восторженно, между тѣмъ

какъ слезы умиленія градомъ струились изъ глазъ его.

— Душевно радуюсь твоему обращенію и отъ всего сердца поздравляю тебя, сказалъ я: —а все-таки попрошу разсказать мнѣ, по какой причинѣ покинулъ ты расколъ, бывши такимъ ретивымъ его почитателемъ и защитникомъ; признаюсь откровенно, я почитаю истиннымъ чудомъ твое обращеніе.

— Изволь, дружище, все тебѣ передамъ, обо всемъ разскажу, какъ по книгѣ прочитаю, а теперь заведемъ рѣчь о другой матеріи, я что-то взволновался маленько, сердце такъ и стукаетъ, словно выскочить хочетъ.

Разговаривая о томъ о семъ мы скоро подошли къ гостинницѣ, гдѣ я квартировалъ, и минутъ черезъ десять засѣли за кипящій самоваръ въ моемъ номерѣ. Замѣтивъ, что пріятель мой успокоился совершенно, я напомнилъ ему о его обѣщаніи.

— Ну такъ слушай же, заговорилъ Михайло Семенычъ, послѣ небольшаго молчанія, какъ бы собираясь съ мыслями и объ чемъ-то вспоминая. — Дѣло мое на счетъ обращенія началось черезъ годъ съ небольшимъ послѣ твоего отъѣзда изъ Александровскаго; въ это время въ поповскомъ согласіи нашемъ у насъ въ С*** начали твориться такія дѣла и соблазны, что уму непостижимо стало, и мы всѣ ревнители мнимаго древняго благочестія въ тупикъ стали и повѣсили головушки. И знаешь ли, отъ кого произошла вся эта неурядица? Отъ коновода нашего перваго, отъ наставницы нашей, пройдохи и лицемѣрки, Марьи Петровны! Ты чай помнишь ее?

— Какъ не помнить!

— Первый соблазнъ показала она намъ свадьбой своей племянницы Натальи. Она сосватала свою пито-

мицу за подгородняго помѣщика, недавно пріѣхавшаго изъ полка въ усадьбу, доставшуюся ему послѣ дяди; и добро бы за голыша какого, а то за молодаго, красиваго собой офицерика и съ достаткомъ немалымъ; ну да видно чистоганъ да приданое хоть кого соблазнятъ. Ну вотъ, сударь мой, втихомолку, разумѣется не безъ вѣдома тетки, Наталья наша переправилась въ церковныя, и обвѣнчалась въ сельской церкви въ жениховомъ приходѣ. Хотя все это дѣлалось втайнѣ, однако же отъ глазъ нашихъ не утаилось: мы все провѣдали—и сколько сундуковъ огромныхъ кованыхъ отправлено было за Натальей, и сколько денегъ отвалила тетушка, и какъ она на свадьбѣ пировала, учредивъ на свой счетъ пиршество веліе съ музыкой и бѣсовскими плясками и пѣснями, и какъ старички наши, которыхъ пройдоха съ собой забрала на свадьбу, подъ пьяную руку пѣсни пѣли и даже въ плясъ пускались окаянныя, и какъ сама-то она осрамила все общество наше старообрядское: пѣсни бѣсовскія пѣла и въ пляску ходила. Такъ вотъ, сударь мой, какія соблазнительныя дѣла совершила наставница наша, сосудъ премудрости старообрядческой! Провѣдавши обо всемъ этомъ до тонкости, мы призадумались, потолковали промежъ себя и придумали отправиться къ Марьѣ Петровнѣ человѣкамъ шести отъ всего нашего общества и требовать настоятельно объясненія: какимъ образомъ она, ревнительница древняго благочестія и руководительница ко спасенію душъ нашихъ, дозволила племянницѣ своей перейти въ Никоніанскую ересь, и сама выдала ее замужъ за еретика скобленаго и сама со старичками своими пѣла бѣсовскія пѣсни, и даже плясала, и откуда-де взяла она деньги, что дала за Натальей. Въ число депутатовъ былъ

выбранъ и я главнымъ коноводомъ. Ну вотъ и пришли мы всѣ къ ней, съ недѣлю спустя послѣ свадьбы. Привѣтливо и радушно приняла насъ Марья Петровна: „милости просимъ, православные, прошу садиться, защебетала она улыбаясь: я вотъ сейчасъ чайкомъ да выпивочкой распоряжусь, выкушайте за Наташину свадьбу“, и сама отъ насъ въ дверь юркнула. Ну мы всѣ учтивость соблюли, отъ угощенія не отказались. Вслѣдъ за тѣмъ товарищи, сидѣвніе подлѣ, стали меня поталкивать, чтожъ, молъ, ты молчишь и не начинаешь? Вотъ я пріосамился, откашлялся и пошелъ и пошелъ. Покамѣсть я говорилъ и излагалъ всѣ вопросные пункты, наставница наша молчала, а все краснѣла, или блѣднѣла да губы покусывала. Когда я кончилъ рѣчь свою, Марья Петровна начала свою отповѣдь, да таково надменно и гордо, какъ барыня какая нибудь: „Я, говоритъ, православные, счастію своей родной племянницы поперечить не въ правѣ была. Мужъ у нея не какой нибудь мужикъ необразованный, а дворянинъ родовой, офицеръ и помѣщикъ; вотъ и она стала по немъ дворянка и помѣщица...

— А душу свою погубила, принявши вѣру еретическую, перебилъ я ее.

— Такъ неужели вы думаете, что баринъ согласился бы вступить въ бракъ съ старообрядкой и принять законъ отъ какого нибудь бѣглаго попа-пьяницы? Да и насчетъ вѣры-то я тебѣ скажу, Михайло Семенычъ: еще старуха на двое сказала, чья вѣра права и чья неправа!

Такія слова, сказанныя наставницей нашей, которую привыкли мы почитать премудрою, богодухновенною и благочестивою, привели насъ въ страшное удивленіе и

окончательно сбили съ толку; мы всѣ опустили на грудь головы и только крестились да творили молитвы отъ лукаваго; я и самъ не нашелся, что отвѣчать явной отступницѣ.

— Да что съ вами толковать-то долго, заговорила Марья Петровна, вставая со стула: — деньги Наташѣ отдала я ея собственныя, послѣ отца да матери ей оставшіяся; а что же касается до того, что будто бы я, пьяная, съ моими старицами пѣли и плясали на свадьбѣ, такъ это ложь и клевета, наплюйте тому въ глаза, кто говоритъ это. Впрочемъ я съ вами необразованными и говорить-то не хочу; идите вонъ. И вышла отъ насъ разгнѣванная, хлопнувъ сильно дверью.

Что намъ, депутатамъ, осталось дѣлать послѣ этого? Мы переглянулись между собой, пожали плечами и пошли себѣ, какъ несолоно хлѣбали; на улицѣ лишь согласились молчать обо всемъ до времени, какъ будто бы ничего и не бывало, для того, что у Марьи Петровны на сторонѣ была сильная рука, и намъ бы ни въ чемъ не повѣрили. Этотъ случай показалъ мнѣ, что она не была искренно убѣждена въ расколѣ, что она держалась его изъ корысти и честолюбія, — и въ первый разъ поколебалъ во мнѣ убѣжденіе въ правотѣ нашей вѣры старообрядской.

Вскорѣ послѣ перваго соблазна прикатилъ къ намъ и другой, еще горшій, изъ Москвы-матушки съ кладбища Рогожскаго. Вотъ какъ было это дѣло. Мѣсяца этакъ черезъ три послѣ размолвки нашей съ Марьей Петровной, присылаетъ она къ нашимъ почетнымъ, а въ томъ числѣ и ко мнѣ, съ приглашеніемъ пожаловать вечеромъ къ ней, пріѣхали-де изъ Москвы съ Рогожскаго кладбища довѣренные отъ всего тамошняго общества ста

рообрядцевъ, два старца и желаютъ при всемъ соборѣ здѣшнихъ православныхъ объявить что-то по дѣламъ вѣры. Ну, мы отправились; приходимъ; Марья Петровна, какъ будто между нами ничего никогда и не было, таково ласково и привѣтливо приняла насъ и угостила какъ слѣдуетъ. Потомъ разсѣлись мы по стѣнамъ, и одинъ изъ довѣренныхъ, старецъ почтенный, повелъ къ намъ рѣчь галосомъ сладкимъ такимъ, вкрадчивымъ. „Такъ и такъ, говоритъ, православные, горькія и тѣсныя обстоятельства наши миновались, тяжкія нужды по церкви нашей древлеправославной прошли, теперь не будемъ больше поповъ сманивать, своихъ вдоволь будетъ, для того, что теперь свои и архіереи есть и митрополитъ даже въ Бѣлой-Криницѣ, въ Австріи, владычествуетъ. Такъ вотъ, говоритъ, соборъ нашъ московскій, съ благословенія высокопреосвященнаго Кирилла и епископа нашего Онуфрія, опредѣлили по градамъ и весямъ, гдѣ древлеправославная вѣра имѣетъ значительное число послѣдователей, для вящшаго процвѣтанія церкви нашей, вполнѣ теперь возстановившейся, назначить и опредѣлить епископовъ и учредить епархіи какъ слѣдуетъ. И вашъ градъ благовѣрный и благочестивый назначили мы мѣстопребываніемъ престола святительскаго, дабы по весямъ вашимъ православнымъ не было недостатка въ священницѣхъ“.

— Очень благодарны вамъ, господа почтенные, перебила старца Марья Петровна, вся какъ клюква красная, а глаза-то черные такъ и сверкаютъ:—очень благодарны вамъ, говоритъ, и всему московскому древлеправославному обществу за радѣніе ваше и попеченіе о насъ грѣшныхъ. Но вотъ что мы вамъ скажемъ рѣшительно: архіереевъ вашихъ намъ не нужно, мы въ

нихъ никакой надобности не имѣемъ, будетъ съ насъ и одного батюшки Петра изъ Нижняго: онъ къ намъ частенько наѣзжаетъ со всѣми потребностями какъ для причащенія, такъ и для крещенія и для бракосовершенія. Вѣдь наши отцы, дѣды и прадѣды не въ адъ же всѣ пошли безъ архіереевъ...

— Ну, нѣтъ, Марья Петровна, ошибаешься, голубушка, хотя ты и благочестивая и премудрая старица, перебилъ ее гость московскій: — должно радоваться и желать архіерея не только граду, но и веси каждой.

— Да что, государь милостивый, отвѣчала Марья Петровна разгнѣвавшись окончательно: — навязываете вы намъ архіерея доморощеннаго? Знаемъ мы, каковы ваши архіереи и кто ихъ пустилъ по свѣту, на соблазнъ только православнымъ. Знаемъ мы, сударь, какимъ манеромъ ваши Павелъ да Алимпій черезъ жидовина проклятаго сманили запрещеннаго и подсудимаго обливанца, Грека митрополита Амбросія, за 500 червонныхъ въ годъ. А на какомъ языкѣ, позвольте спросить, произносилъ вашъ митрополитъ Амбросій отреченіе отъ ересей и давалъ клятву быть вѣрнымъ древле-православной нашей церкви, и на какомъ языкѣ исповѣдывался онъ попу нашему передъ клятвою? Отецъ духовный ничего не смыслилъ погречески, а исповѣдуемый ни слова не понималъ по нашему! Нечего сказать, хороша была исповѣдь! Да и какой архіерей, честный и добросовѣстный, дозволитъ простому попу-чернецу помазать себя простымъ деревяннымъ масломъ вмѣсто мура освященнаго, котораго у насъ старообрядцевъ, какъ всѣмъ намъ достовѣрно извѣстно, давнымъ давно, лѣтъ пожалуй сто будетъ, совсѣмъ нѣтъ! Да и по какимъ соборнымъ правиламъ вашъ запрещенный митрополитъ, бѣжавшій въ

чужую епархію, безъ дозволенія мѣстнаго епископа, одинъ одинехонекъ дерзнулъ хиротонисать вамъ епископа простаго мужика-пахаря? Такъ вотъ каковы ваши архіереи и все священство,—просто самозванцы!

— Ну нѣтъ, извини, Петровна, перебилъ опять москвичъ: — преосвященный Амбросій передъ отъѣздомъ своимъ къ намъ получилъ разрѣшительную грамоту отъ самаго патріарха Константинопольскаго.

— Знаемъ мы, какъ ваши ловцы обманули патріарха, сколько денегъ извели на это и какую грамоту выдали Амбросію. Патріархъ Цареградскій, православные, продолжала она обращаясь къ намъ:—выдалъ грамоту, гдѣ разрѣшено было запрещенному митрополиту отслужить только одну заупокойную обѣдню и то какъ простому священнику, безъ сѣденія на архіерейскомъ престолѣ. Такъ вотъ какого митрополита вы себѣ купили на дежки глупыхъ богачей вашихъ! Право, смѣху достойно!“—И какъ-то злобно и судорожно захохотала.

Наши московскіе гости и головы повѣсили. Общее молчаніе продолжалось съ четверть часа пожалуй. Рогожской посланецъ заговорилъ первый: — Что ты тамъ себѣ ни ври, преподобная мать Марья, а мы все-таки посвятимъ и пришлемъ епископа во градъ вашъ, и на тебя не посмотримъ.

— А мы его отсюда вытолкаемъ! ужъ почти заревѣла наша Петровна, и тутъ-то вполнѣ обнаружила свой характеръ: — вотъ выдумали какія новости: пришлютъ сюда архіерея самозванца, корми его, пой, а онъ только нами распоряжаться, да командовать будетъ! Вотъ невидаль какая! А я-то оплеванною что ли останусь? Чтожъ я-то стану дѣлать при вашемъ архіереѣ? Теперь ко мнѣ всѣ съ уваженіемъ, а тогда что? Къ архіерею

пойдемъ: онъ насъ разсудитъ и вразумитъ! Вотъ что выдумали! Коли вамъ понадобились архіереи, такъ и держите ихъ у себя. Знаю я, что архіереи-то ваши въ Москвѣ, изъ воли богачей вашихъ не выходятъ. Имъ только изъ самолюбія, да ради самохвальства архіереи понадобились: и у насъ-де у старообрядцевъ свои архіереи есть. Кажется теперь намъ толковать не объ чемъ, о желаніяхъ нашихъ вы, дорогіе гости, слышали, можете передать объ нихъ благодѣтелямъ нашимъ московскимъ. Что я сказала, то скажутъ вамъ и всѣ наши православные. Коли хотите съ нами мирно жить, такъ о архіереяхъ вашихъ и попахъ и не разговаривайте. А теперь, васъ гости дорогіе, покорно прошу закусить чѣмъ Господь послалъ, да и на покой, а меня ужъ простите, истомилась больно, отдохнуть пора.—И вышла.

Безъ Марьи Петровны гости московскіе обратились къ намъ, что-де скажете намъ, любъ ли вамъ будетъ архіерей, или нѣтъ?

— Объ этомъ подумать надо, государи милостивые, сказалъ я,—для того, что въ архіереяхъ вашихъ и мы всѣ большое сумленіе имѣемъ.

Послѣ этого молча мы по домамъ разошлись, а московскіе посланцы тутъ же послали за почтовыми и уѣхали, не простившись съ Марьей.

Послѣ этого собора не только я одинъ, но и многіе изъ нашихъ серьезно усумнились въ нашей вѣрѣ: слова Марьи Петровны насчетъ новыхъ архіереевъ и новаго священства, какъ колокола звенѣли въ ушахъ нашихъ. Я съ своей стороны накупилъ книгъ, нисанныхъ противъ раскольниковъ, читалъ ихъ прилежно и черезъ полгода съ небольшимъ, убѣдившись совершенно въ нелѣпости нашихъ толковъ и мнѣній, со всѣмъ семей-

ствомъ перешелъ въ Церковь православную. Многіе послѣдовали моему примѣру, а иные присоединились къ новоблагословенной, ради привычки къ старымъ обрядамъ.

— Ну, а что же сталось съ Марьей Петровной? спросилъ я.

— Марья Петровна, послѣ того, какъ отпустила москвичей, вскорѣ продала домъ свой и со старичками уѣхала въ Костромскую губернію въ имѣніе мужа племянницы своей; выстроила тамъ скитокъ въ лѣсу, а теперича, говорятъ, перешла въ единовѣріе.

Ив. Ш — в.